

УДК 8136-811.111

Немцова Н.В.

Череповецкий государственный университет

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМЫ

N. Nemtsova

Cherepovets State University

THE PROBLEM OF EQUIVALENCE AND ADEQUACY IN THE TRANSLATION OF GRAMMATICAL DEVIATIONS FROM THE NORM

Аннотация. Статья посвящена проблеме соблюдения принципов переводческой эквивалентности и адекватности при передаче грамматических отклонений от нормы с английского языка на русский. Адекватность рассматривается как частный уровень эквивалентности, передающий прагматический потенциал, коммуникативное воздействие исходной лексической единицы. Совпадение прагматических характеристик языковых элементов оригинального и переводного текстов предполагает сходство их стилистических особенностей, выполнение аналогичных художественных функций в системе произведения. Анализ текстов переводов выявил несколько способов передачи грамматических отклонений на русский язык. Рассмотрены лингвистические и экстралингвистические причины неадекватной передачи грамматического субстандарта.

Ключевые слова: эквивалентность, адекватность, грамматические отклонения от нормы, художественная функция, компенсация, стилистическая утрата.

Abstract. The article is devoted to the problem of equivalence and adequacy in the translation of grammatical deviations from the norm of English into Russian. Adequacy is regarded as part of equivalence, reproducing pragmatic sense and communicative meaning of the source linguistic unit. The coincidence of the pragmatic characteristics of the original and translated units presupposes similarity of their stylistic features, performing the same functions in the novel. The analysis of the translated texts reveals several methods of translating grammatical deviations into Russian. The article also deals with the linguistic and extralinguistic reasons for inadequate translation of the grammatical substandard units.

Key words: equivalence, adequacy, grammatical deviations from the norm, stylistic features, compensation, stylistic loss.

Эквивалентность и адекватность являются центральными категориями теории перевода. Однако неустойчивость употребления этих терминов встречается как у отечественных, так и у зарубежных переводоведов.

В настоящее время большинство лингвистов рассматривают эквивалентность как соответствие содержания перевода содержанию оригинала, а адекватность – как соответствие перевода коммуникативной установке подлинника. Адекватность представляет собой функционально-прагматическую категорию, ориентированную на намерения отправителя сообщения на исходном языке (ИЯ) и реакцию получателей этого сообщения [11, 110]. «Категория адекватности является не характеристикой степени соответствия текста перевода тексту оригинала, а степени его соответствия ожиданиям участников коммуникации» [5, 72]. Данное утверждение подтверждается многоуровневыми теориями эквивалентности.

Попытка построить типологии эквивалентности, найти те ступени, которые ведут от минимально возможной к максимальной эквивалентности, а также установить объектив-

ную обоснованную границу, отделяющую перевод от неперевода, и приводит к теории уровней эквивалентности [4, 295]. Наиболее известные многоуровневые теории строятся на семиотических основаниях, то есть на выделенных семиотикой трёх типах отношений знака: прагматическом, семантическом и синтаксическом.

Семиотическая теория представляет эквивалентность как сложную категорию, состоящую из определенной иерархии уровней. При сохранении полной эквивалентности необходима передача всех компонентов содержания оригинала. Подобные случаи являются довольно редкими и труднодостижимыми с практической точки зрения. Различие языковых, литературных, культурных норм заставляют переводчика идти на определенные жертвы. Достоинством данной теории является то, что она расставляет приоритеты, ставя во главу угла сохранение прагматики подлинника. Прагматическая эквивалентность (адекватность) представляет собой как бы последнюю черту, отделяющую перевод от иного вида языкового посредничества [4, 295].

Таким образом, многоуровневые теории эквивалентности иллюстрируют, что из всех значений языкового знака доминирующее положение занимает прагматическое. Прагматический аспект содержания текста может нести информацию, нередко коммуникативно более значимую, чем его денотативный аспект [13, 27].

Совпадение прагматических характеристик единиц оригинала и перевода означает, прежде всего, их коммуникативно-функциональную равноценность [8, 30]. Коммуникативно-функциональная равнозначность элементов исходного и переводного текстов, на наш взгляд, предполагает их стилистическую тождественность. Единицы оригинала и перевода должны выполнять в системе произведения аналогичные художественные функции, иметь одинаковые образные коннотации, оказывать эквивалентное коммуникативное воздействие.

Стилистические функции грамматических отклонений от нормы восходят к их социо-

лингвистическим характеристикам. Грамматический субстандарт в произведении «Приключения Гекльберри Финна» не имеет ярко выраженных территориальных признаков и может быть обозначен термином «внелитературное просторечие» [14, 51; 18, 233; 19, 219].

В тексте рассматриваемого художественного произведения грамматические отклонения являются одним из основных художественных средств, раскрывающих образы героев повествования. Персонажи, использующие в речи грамматические отклонения, обладают достаточно низким социальным статусом, образовательным и культурным уровнем. Так, например, Гекльберри Финн, от лица которого и ведётся повествование, является представителем наиболее обездоленных слоёв общества. Он сирота, бродяга, не имеющий возможности посещать школу и получать образование. Просторечие – это единственная форма родного языка, которой он владеет. Подобная социальная характеристика справедлива почти для всех персонажей книги, использующих в своих высказываниях отклонения от нормы.

Итак, грамматические отклонения представляют собой неотъемлемую часть речевой характеристики героев художественного произведения и требуют адекватной передачи на русский язык.

Для выявления способов передачи грамматического субстандарта на русский язык мы обратились к трём переводам произведения «Приключения Гекльберри Финна», выполненным В.Л. Ранцовым (1896 г.), В.Г. Танном (1911 г.), Н.Л. Дарузес (1950 г.). Проведённый нами анализ переводных текстов показал, что в ряде случаев переводчикам удалось передать не только прагматический потенциал исходной лексической единицы, содержащей в своём составе грамматические отклонения от нормы английского языка, но также и другие значения языкового знака подлинника, и достичь тем самым максимально возможного в данном контексте уровня эквивалентности.

В текстах переводных произведений нам удалось обнаружить эквивалентные соот-

ветствия лишь для двух лексем, содержащих в своём составе грамматические отклонения от нормы английского языка: «hear» и «see». На наш взгляд, такое положение вещей не случайно. Грамматический строй, лексическая сочетаемость, структура семантических полей русского и английского языков различны, поэтому отклонения, типичные для того или иного слова английского языка, не характерны для соответствующего слова русского языка. Некоторым исключением являются указанные выше лексемы, так как в их составе реализуются грамматические отступления, характерные для внелитературного просторечия как русского, так и английского языков:

– «No, sir; I never heard of them» [20, 100] / «Нет, сэр, никогда и не слыхивал...» [15, 264].

– «I never seen anybody but lied one time or another, without it was Aunt Polly, or the widow, or maybe Mary» [20, 7] / «Я не видал человека, чтоб подчас не солгал, кроме тетеньки Полли, да вдовы Дуглас, да, разве, еще Марии» [16, 7].

– «I hain't heard 'bout none un um, skasely, but ole King Sollermun, onless you counts dem kings dat's in a pack er k'yards» [20, 80] / «Я даже ни про кого из них и не слыхивал никогда, кроме как про царя Соломона, да еще, пожалуй, видел королей в карточной колоде, если только они идут в счет» [17, 85].

В данных примерах морфологическим отклонениям от нормы английского языка (*never heard, never seen, hain't heard*) соответствует фонетико-морфологический субстандарт русского языка *слыхать, видать* (в словаре С.И. Ожегова обозначены термином *просторечие* [9]). Единицы оригинального и переводного произведений содержат в себе отступления от грамматических норм языка, и тем самым обнаруживают сходство по внутрilingвистическому признаку.

Денотативное и сигнификативное значения вышеуказанных слов в английском и русском языках также совпадают. Они обозначают аналогичные процессы и указывают на одинаковые их признаки: воспринимать зрением/слухом (to perceive with the eyes/ears).

Данные лексемы в исходном и переводном текстах выполняют аналогичные художественные функции, имеют одинаковые образные коннотации. Внелитературное просторечие в русском языке, так же, как и грамматические отклонения в английском, отображает особенности живой разговорной народной речи, имеющей провинциальный оттенок. Кроме того, такие просторечные формы, как «видать», «слыхать», в русскоязычных текстах дают представление читателю о том, что речь Гекльберри Финна, Джима, Короля и Герцога и некоторых других героев произведения далека от литературных стандартов, что, несомненно, позволяет понять социальный контекст произведения, образы персонажей и, соответственно, основные мотивы автора.

Таким образом, рассмотренные лексические единицы исходного и переводного текстов обнаруживают совпадение релевантных в пределах данного контекста компонентов значения, что позволяет нам установить наличие между ними отношений полной эквивалентности.

Проведённый нами анализ показал, что не всегда вышеуказанные лексические единицы, содержащие грамматические отклонения от нормы, передаются с помощью эквивалентных соответствий в тексте переводных произведений. В тексте оригинала было обнаружено 106 случаев употребления словоформ «hear» и «see», содержащих отступления от грамматических норм английского языка. В переводе В.Л. Ранцова было обнаружено 44 (47% от общего числа отклонений) эквивалентных соответствия субстандартным формам исходного текста, в переводе В.Г. Танна – 41 (43%) и в переводе Н.Л. Дарузес – 33 (35%). В остальных случаях перевод осуществляется формами литературного русского языка «видеть», «слышать», которые передают лишь семантическое значение лексических единиц оригинального текста, но игнорируют их прагматические функции.

Если эквивалентное соответствие представляет собой случай полной переводческой эквивалентности, позволяющий языковому

знаку в тексте перевода сохранить все релевантные в пределах данного контекста элементы значения исходной лингвистической единицы, то другой способ передачи грамматических отклонений от нормы – прием стилистической компенсации – направлен прежде всего на сохранение ее прагматической нагрузки (допуская при этом потерю денотативного и сигнификативного значений знака) [2, 219]. Таким образом, прием компенсации является случаем частичной эквивалентности, сохраняющим ее единственный, однако, самый важный уровень – прагматический, который в переводческой литературе также называется адекватностью.

– «Does you know ‘bout dat chile dat he ‘uz gwyne to chop in two?» [20, 84] / «Слыхали вы о ребенке, которого он велел разрубить пополам?» [15, 249];

– «Say, who is you? Whar is you» [20, 11]? / «Эй, кто тут? Что надо?» [16, 11];

– «We had the sky up there, all speckled with stars, and we used to lay on our backs and look up at them, and discuss about whether they was made or only just happened» [20, 123] / «Бывало, всё небо над головой усеяно звёздами, и мы лежим на спине, глядим на них и спорим: что они – сотворены или сами собой народились?» [17, 125].

В данных примерах компенсация грамматического субстандарта (*who is you? Whar is you, does you know, they was*) происходит за счет морфологических отклонений от нормы русского языка – *чего, слыхали, народились* [9].

Из исследованных нами переводов книги «Приключения Гекльберри Финна» наибольшее количество случаев компенсации представлено в работе В.Г. Танна – 271 пример, что составляет, однако, лишь 7% от общего числа грамматических отклонений в романе. В переводе В.Л. Ранцова насчитывается 161 пример компенсации, что составляет 4% от общего числа отклонений в оригинальном произведении. Наименьшее количество примеров компенсации встречается в переводе Н.Л. Дарузес – 137, что составляет 3.5 % от общего числа грамматических отклонений в тексте книги.

Несмотря на то, что часть грамматических отклонений от нормы английского языка получила адекватную передачу в тексте переводных произведений, большая их часть (88% – в переводе В.Л. Ранцова, 87% – в переводе Н.Л. Дарузес, 84% – в переводе В.Г. Танна.) при переводе на русский язык остаётся потерянной. При использовании трансформации стилистической утраты передаётся лишь предметное значение языкового знака, в то время как его прагматические коннотации остаются не переданными [10, 10].

Перевод, выполненный с таких позиций, искажает коммуникативный смысл подлинника, его основные задачи и мотивы. Эквивалентность в данном случае может быть установлена лишь на денотативном уровне языкового знака, что, на наш взгляд, не может считаться достаточным для коммуникативно успешного восприятия переводного художественного произведения.

– «I don't take no stock in mathematics, anuway» [20, 20] / «У меня нет способностей к математике – это несомненно» [15, 198].

– «But Tom give him five cents to keep quiet, and said we would all go home and meet next week, and rob somebody and kill some people» [20, 16] / «Но Том дал ему пять центов, и он утих. Тогда Том сказал, что мы все пойдем по домам и соберемся на следующей неделе и сделаем грабеж и два или три убийства» [16, 16].

– «That was good! Says I, “meyow! me-yow!” as soft as I could, and then I put out the light and scrambled out of the window on to the shed» [20, 10] / «Вот здорово! Я тоже мяукнул еле слышно: “Мяу! Мяу!” – а потом погасил свечку и вылез через окно на крышу сарая» [17, 11].

Как мы видим из приведённых выше примеров, грамматические отклонения от нормы оригинального произведения в переводах на русский язык передаются нейтральной лексикой, при этом образные коннотации исходных лексем, содержащих в своем составе грамматические отступления от нормы, остаются невоспроизведёнными.

К.И. Чуковский в своей книге «Высокое искусство», затрагивая проблемы стилисти-

ческих потерь при переводе нестандартных языковых элементов произведения «Приключения Гекльберри Финна», обращает внимание на то, что «беглый раб Джим, который в оригинале практически ни одного слова не произносит правильно, в переводе вполне владеет интеллигентской, безукоризненно правильной речью, а читая монологи Гека, невозможно поверить, что в подлиннике они написаны от лица «полуграмотного, темного, диковатого малого, не имеющего никакого понятия о правильной речи» [12, 256]. «В переводе этот «дикарь» говорит книжным, грамматически правильным языком культурных, интеллигентных людей. Правда, это выходит иногда как-то странно: читаешь, например, сделанное им описание природы, и кажется, что читаешь Тургенева: «Нигде ни звука, полная тишина, весь мир точно уснул...» – и т. д.» [12, 256].

Результаты нашего исследования показывают, что в большинстве случаев эквивалентность при передаче грамматических отклонений от нормы достигается лишь на денотативном уровне. Прагматический потенциал грамматического субстандарта в данном случае остаётся не переданным, что свидетельствует о нарушении принципа переводческой адекватности.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие лингвистические, а также экстралингвистические факторы оказали влияние на выбор переводчиками тех или иных преобразований, почему приём компенсации грамматических отклонений от нормы получил столь незначительное распространение в переводах книги «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык. Для того чтобы сделать соответствующий вывод, нам необходимо подойти к проблеме передачи грамматического субстандарта английского языка комплексно и рассмотреть особенности их перевода на русский язык не на уровне конкретных лексических единиц, а в рамках всего художественного произведения.

Вопрос передачи субстандартных элементов того или иного языка давно обсуждается в теории художественного перевода. Поч-

ти все ученые и исследователи этой области лингвистики подчеркивают необходимость перевода данных лексических единиц, настаивая на том, что потеря субстандартных языковых форм исказит смысл перевода, систему образов персонажей произведения, их речевую характеристику. «Речевая характеристика — одно из наиболее сильных изобразительных средств, и отказаться от нее – это действительно значит превращать живых, живокровных людей в бездушные восковые фигуры». Как справедливо заметил Н. Заболоцкий, «гладкопись говорит о равнодушии сердца и пренебрежении к читателю» [12, 153].

Однако никто из теоретиков и практиков в области художественного перевода не ответил на вопрос о том, как следует передавать отклонения от нормы языка оригинала на язык перевода. К.И. Чуковский пишет: «Легко сказать: диалекты нужно переводить диалектами, просторечие — просторечием. Но как выполнить эту, казалось бы, нехитрую задачу? По этому поводу среди переводчиков ведутся горячие споры» [12, 155]. И это неудивительно, так как, на наш взгляд, готового решения данной проблемы просто нет. Каждый случай перевода художественного произведения индивидуален, это, прежде всего, акт творчества, и поэтому успех передачи того или иного элемента подлинника и всего художественного произведения в целом зависит от таланта переводчика, его чувства языка, как родного, так и исходного. «Даже применение одинаковой просторечной лексики у разных переводчиков одного и того же художественного произведения может оказать совершенно разное коммуникативное воздействие. Все дело во вкусе, чувстве меры и в таланте переводчика» [12, 155].

Возможно, именно чувство меры сдерживало переводчиков от частого использования приема компенсации. Основой просторечия русского языка послужили территориальные диалекты [1, 66]. Внелитературные языковые элементы в речи персонажей переводного художественного произведения ассоциируются с особенностями русского национального

характера. Если бы каждый грамматически неправильный элемент подлинника передавался внелитературным элементом русского языка, то текст перевода был бы слишком перегружен субстандартными лексическими единицами, затрудняющими его восприятие.

Кроме того, столь частое применение стилистической компенсации привело бы к стиранию национального колорита подлинника. Если бы Том, Гек, Джим и другие герои повествования через каждое слово использовали бы такие слова, как *батька*, *ихний*, *видать*, *слыхать*, *кабы*, *коле*, *помирать* и т. д., они воспринимались бы как переодетые русские крестьяне, а не как американцы, проживавшие на *Диком Западе* США.

Просторечие в русском языке несёт примерно те же социальные характеристики, что и грамматические отклонения в английском языке. Однако субстандартный элемент каждого языка ассоциируется с определенным типом носителя. Жители американского фронта и представители российской глубинки – это два разных типа характера, мышления, образа жизни. Именно поэтому сплошное использование просторечных и региональных слов и выражений русского языка в переводе нежелательно и даже в какой-то мере опасно.

В данном случае действуют те принципы художественного перевода, которые не раз описывались ведущими отечественными и зарубежными учеными – адекватность отдельных лексических единиц текста не всегда означает адекватность целых текстов. Основная задача переводчика – установить адекватность на уровне всего художественного произведения, передать его смысл, что порой требует от него нарушения адекватности и эквивалентности его отдельных частей [4, 263].

Таким образом, повсеместное использование приема стилистической компенсации при передаче грамматических отклонений от нормы нарушило бы адекватность всего произведения, исказило бы образы персонажей. Возможно, именно поэтому переводчики столь осторожно подходили к данному

стилистическому преобразованию. Просторечие в переводных текстах является своего рода маркером, дающим читателю представление о культурном и социальном уровне персонажей подлинника.

Мы согласны с тем, что прием компенсации при переводе грамматических отклонений от нормы английского языка требует от переводчика чувства меры и такта, что, однако, не является оправданием столь редкого использования данного переводческого преобразования.

Наибольшее количество примеров компенсации было обнаружено в переводе «Приключений Гекльберри Финна» В.Г. Танна, но и они составили только 7% от общего числа грамматического субстандарта в романе. Кроме того, просторечие, используемое в переводах как средство компенсации, представлено на достаточно ограниченном лексическом материале, что, на наш взгляд, также приводит к ослаблению коммуникативного воздействия данного стилистического преобразования, так как в оригинальном произведении грамматические искажения речи персонажей отличаются структурным разнообразием.

Другие факторы, которые могли оказать влияние на выбор переводчиков, носят экстралингвистический характер. Таких факторов, на наш взгляд, несколько.

Во-первых, это своего рода большая демократизация английского языка, по сравнению с русским языком, того периода, когда были сделаны вышеуказанные переводы книги «Приключения Гекльберри Финна». Термин «демократизация» в лингвистике понимается как объективная характеристика сближения литературного языка с субстандартом. Издержки этого процесса – гипертрофия естественных и закономерных тенденций деабуизации обценной лексики [6, 4].

Субстандартные грамматические, фонетические, лексические элементы в тексте художественного произведения могут по-разному восприниматься читателями оригинального и переводного текстов. Если для

американских читателей использование в произведении большого количества отклонений представляет собой привычное явление, то для читателей книги на русском языке они воспринимались бы как нечто неестественное, противоречащее жанровой норме русского языка. Жанрово-стилистическая норма представляет собой требование соблюдать правила и нормы узуса переводящего языка с учетом визуальных особенностей переводных текстов на этом языке [7, 126].

Следует отметить, что в советский период к художественным текстам предъявлялись ещё более жёсткие цензурные требования в области употребления просторечных и диалектных языковых элементов. В советском языкознании русский литературный язык был признан языком, выполняющим объединяющую функцию в обществе. Ко всем другим формам существования языка (жаргонам, диалектам и т. д.), отражающим наличие различных общественных слоёв, вырабатывалось отрицательное отношение [3, 457].

Кроме того, немаловажным фактором, сдерживавшим переводчиков книги «Приключения Гекльберри Финна» в употреблении внелитературного просторечия, является тот факт, что данное произведение в русском переводе относится к жанру детской литературы. Основная задача детской литературы – с помощью системы художественных образов осуществить задачи воспитания и образования детей. На наш взгляд, постановка таких задач предполагает также формирование речевых навыков детей, культуру их речи, что, в свою очередь, не может не отразиться на языковых особенностях художественного произведения.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что наиболее точным способом передачи грамматических отклонений от нормы является эквивалентное соответствие. В данном случае лексеме переводного текста удаётся отобразить все релевантные в данном контексте значения исходной лексической единицы, включая её стилистические и образные коннотации. Однако подобные случаи являются редким лингвистическим

явлением, что существенно ограничивает их применение.

Приём компенсации представляет собой переводческую трансформацию, обеспечивающую передачу прагматического потенциала словоформ подлинника, содержащих в своём составе грамматические отклонения от нормы английского языка: их стилистические и художественные функции. Использование приема компенсации в тексте переводных произведений является одним из средств достижения принципа переводческой адекватности.

Исследование переводов книги «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык показало, что во всех из них, независимо от времени и даты издания, большая часть грамматического субстандарта остается переданной. Возможно, одна из главных причин подобной переводческой позиции заключается в том, что сплошная компенсация английского грамматического субстандарта русским внелитературным просторечием привела бы к потере национальных особенностей оригинала.

Таким образом, то или иное переводческое преобразование должно исходить не только из стилистического потенциала отдельной лексической единицы, но и учитывать более широкий контекст, а также подтекст подлинника. Кроме того, на выбор переводческих стратегий могли оказать влияние такие экстралингвистические факторы, как визуальные нормы переводных текстов, языковая ситуация в стране, а также жанровые особенности переводного произведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество: Сборник статей. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. С. 3-22.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Межд. отн., 1975. 235 с.
3. Войлова К.А., Леденева В.В. История русского литературного языка. М.: Дрофа, 2009. 496 с.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
5. Гарбовский Н.К., Гуревич Л.О., Костикова О.И., Полубиченко Л.В. Основы общей теории пере-

- вода: Краткий курс лекций / Под ред. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 56-87.
6. Гнусина Е.В. Сравнительный анализ современного французского просторечия и современного русского просторечия (на материале современной художественной литературы и других источников): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 207 с.
 7. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: ЛКИ, 2007. 176 с.
 8. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2005. 192 с.
 9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.
 10. Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высш. шк., 1980. 178 с.
 11. Сдобников В.В. Адекватность и эквивалентность как критерии оценки качества перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода. Н. Новгород: НГЛУ имени Н.А. Добролюбова, 1997. С. 107-115.
 12. Твен М. Приключения Гекльберри Финна / Пер. Ранцова В.Л. М.: Мир книги, 2008. С. 185-428.
 13. Твен М. Приключения Гекльберри Финна / Пер. Танна В.Г. СПб.: Издание Корнфельда М.Г., 1911. 197 с.
 14. Твен М. Приключения Гекльберри Финна / Пер. Дарузес Н.Л. М.: АСТ, Астрель, 2004. 415 с.
 15. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Просвещение, 1968. 267 с.
 16. Шаховский В.И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала // Тетради переводчика. Вып. 17. М., 1980. С. 25-36.
 17. Швейцер А.Д. Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985. 212 с.
 18. Buxbaum K. Mark Twain and American Dialect // American Speech. Vol. 2. No. 5. 1927. P. 233-236.
 19. Rulon C.M. Geographical delimitation of the dialect areas in The Adventures of Huckleberry Finn // J.V. Williamson & V.M. Burke (Eds.), A various language: Perspectives on American dialects, 1971. P. 215-221.
 20. Twain M. The adventures of Huckleberry Finn. М.: Астрель, 2005. 300 с.